

Северцов А.Н. Евгений Николаевич Трубецкой как человек и мыслитель

English version: [Severtsov A.N. Yevgeny Nikolaevich Trubetskoy as person and thinker](#)

[Сведения об авторе](#)
[Ссылка для цитирования](#)

В статье[1] представлены развернутые воспоминания известного ученого А.Н.Северцова о выдающемся философе Е.Н.Трубецком[2]. Яркий портрет Трубецкого, написанный Северцовым, рисует образ не только выдающегося мыслителя, но и уникального и разностороннего человека.

Ключевые слова: философ, мыслитель, мудрость, Е.Н.Трубецкой

Может быть, многим из моих слушателей может показаться <...>, что я выступаю на сегодняшнем собрании. Действительно, не совсем обычно естествоиспытателю говорить о юристе, ученому, не написавшему ни одной строчки по философии, выступать на заседании, посвященном памяти крупного философа. Объясняется это главным образом [событиями] настоящего момента. В данное время из друзей Евгения Николаевича, близко его знавших долгое время, в Москве я один, и мне приходится взять на себя обязанность, которую другие, более меня компетентные, исполнили бы, по всей вероятности, гораздо лучше меня.

Не раз говорилось и писалось, что мы, русские люди, мало ценим главное, мало ценим свое родное, русское. Мне вспоминается следующий случай: один из наиболее крупных русских биологов высказал свою теорию, результат многолетних, крайне обстоятельных исследований, напечатал он ее по-русски, и русские ученые не обратили на нее внимания. Через несколько лет те же взгляды, в гораздо менее разработанной форме, были высказаны естествоиспытателем немцем, и русские ученые ими крайне заинтересовались. Книга была переведена, вызвала оживленное обсуждение.

Позвольте поделиться с вами своим впечатлением, впечатлением человека, не занимающегося специально философией, но весьма внимательно приглядывающегося к философии вообще, и в частности к ходу русской философской мысли.

Мне кажется, что в истории русского теоретического мышления в течение последней четверти прошлого века произошло крупное событие, значение которого не в полной мере оценено даже теперь русскими мыслящими людьми: а именно народилась самостоятельная оригинальная русская философия, с весьма характерными самобытными чертами.

Создание этого своего, русского, направления философской мысли связано главным образом с именами В.С.Соловьева, двух братьев Трубецких, Л.М.Лопатина, Н.М.Грота и немногих других. Западноевропейские философы мало знают русскую философию и только в последнее время стали заниматься ею. И весьма интересно было бы знать, какое впечатление произвели бы сочинения названных мыслителей, если бы они теперь были переведены хотя бы на немецкий язык и брошены в европейскую литературу. Думается, что, может быть, не меньше, чем впечатления от сочинений русских романистов, перевод которых был бы целым откровением для западноевропейской публики... Во всяком случае, русским людям, любящим и ценящим свое родное, стоило произвести этот эксперимент при первой возможности и посмотреть, что из него выйдет. Среди этой группы мыслителей Е.Н.Трубецкой занимал видное место. Я уверен, что значение <...> с годами будет больше, чем теперь.

Попробую в коротких главах обрисовать его личность и определить, хотя неполно, условия, под

влиянием которых она сложилась. Е.Н.Трубецкой родился в Москве в 1863 г. Впечатления его детства, под влиянием которых сложился его духовный облик, как-то необыкновенно счастливо способствовали выявлению тех черт его духовной личности, которые впоследствии сделали из него крупного религиозного философа. Громадное значение для развития этих особенностей, заложенных в природе Е.Н., имела его мать, С.А.Трубецкая (урожденная Лопухина), женщина выдающаяся и по моральным свойствам. <...> Замечательна глубокая, проникновенная любовь, почти благоговение, с которым в течение всей своей жизни он относился к матери. Она развила в нем то глубокое, вдумчивое религиозное чувство, то высокое, необычайно чуткое и вместе с тем живое нравственное самосознание, которые были для него характерными, наложив свой отпечаток на все его работы. Трогательно рассказывает С.А.Трубецкая о своих сыновьях Евгении и Сергее. В одном из своих писем рассказывает, как она мечтала, что они в свое время будут миссионерами, проповедующими «слово истины» не в чужих странах, а миссионерами в своей среде. В том же письме она говорит о том, как она молилась, чтобы Бог дал им «души всеразумные для прославления имени Его». И, может быть, теперь, когда <...> жизненный путь закончен, когда мы можем, хотя и не полно, подвести их жизненный итог, мы скажем с благодарностью, что эта молитва была услышана.

Уже взрослым, в 1886 г., посылая свою первую печатную работу матери, Е.Н. писал ей, что всем хорошим, что есть в нем, он обязан ей, ее влиянию и примеру. В этом письме сказываются основные черты его мирозерцания, те сердечные, глубоко интимные черты, которые лежали в основе его: «один Бог у ученого, – пишет он, – и у любящей матери, и одна любовь всем светит и всех животворит». Истина науки – истина Божья. Другим, не менее глубоким, чувством, освещавшим и детство, и всю последующую жизнь Евгения Николаевича, были любовь и проникновенная дружба, связывавшие его с братом Сергеем. Николаевичем, с которым он рос и учился вместе. На личности и характере С.Н.Трубецкого я останавливаться не буду. Сам Е.Н. охарактеризовал его лучше, чем это мог сделать кто-либо из нас. В этой характеристике сказывается ярче, чем в чем-либо другом, чувство, связывавшее обоих братьев.

Большое значение для душевного склада [С.Н.Трубецкого] имела жизнь в Ахтырке, подмосковном имении Трубецких, где <...> протекли его детство и молодость. Большой стильный дом empir с его строгими парадными комнатами, живописный громадный парк, окружавший дом, несколько старомодно-чинный, тоже стильный, уклад жизни, тон которого давался стариком дедушкой Трубецким. Все это вместе создавало художественную обстановку, впечатления от которой у Евгения Николаевича сохранились в течение всей жизни. Ахтырка лежит близ Троицы-Сергия [Троице-Сергиева лавра. – прим. ред.], и эта близость тоже оставила свой, может быть неизгладимый, след на душе Евгения Николаевича. Сам он упоминает, что его молодость протекала под гармонический звон лаврских колоколов.

Обстановка ахтырского дома создала первые художественные впечатления в душе Евгения Николаевича. Отмечу, что особенную, совершенно своеобразную роль в его духовном развитии играла музыка: отец Евгения Николаевича Николай Петрович Трубецкой страстно любил музыку и тонко понимал ее; как известно, он был основателем «Русского музыкального общества». Софья Алексеевна Трубецкая была тоже очень музыкальна. В своих воспоминаниях Евгений Николаевич упоминает, что [у] его родителей все впечатления принимали [музыкальную форму] и складывались в музыкальной форме. Дом Трубецких и после кончины деда был полон музыки. В нем собирались лучшие музыканты Москвы: и Фитценгаген, и Лаубе, и Гжимали, и, наконец, близкий друг отца Евгения Николаевича Николай Григорьевич Рубинштейн. Евгений Николаевич вырос под впечатлением их исполнения [музыки] и их разговоров, и музыка для него стала языком души. Евгений Николаевич сам [был] человек[ом] очень музыкальным (он, например, помнил всего «Конька-Горбунка» наизусть), <...> не был музыкантом-профессионалом, не был знатоком музыки в техническом смысле слова. Для него музыка была тем интимным языком души, на котором с ним говорило все, что ему было дорого и прекрасно – и в мысли и в творчестве. И самую природу он чувствовал, если можно так выразиться, «музыкально» – и шум леса и нивы, и пение птиц, и все бесчисленные голоса природы складывались для него в одну стройную гармонию, слушать которую (а он ее действительно слышал) выучил его Рубинштейн. И может, и это музыкальное чувство, эта гармония сказались в сильной степени в его собственной области, в религиозно-философском творчестве, и наложили на него свой своеобразный отпечаток. Он действительно понимал гармонию сфер Пифагора и серьезно утверждал, что «философия – дочь музыки».

Таковы были религиозно-нравственные и художественные впечатления детства и молодости Евгения Николаевича. Добавлю, что в смысле образования в более тесном смысле этого слова в детстве ему было дано многое. В нем рано развилась привычка к чтению, а прекрасное знание языков позволило ему рано сделаться широко и разносторонне образованным юношей. Собственно об учении Е.Н. скажу немного. В 1874 г. он поступил в Московскую гимназию Креймана, но учился в ней недолго, так как в 1877 г. семья Трубецких переселилась в Калугу. И оба брата, Сергей Николаевич и Евгений Николаевич, поступили в один и тот же класс калужской гимназии, которую и кончили благополучно в 1881 г. Гимназическое учение в тогдашней классической гимназии мало дало Е.Н. в смысле образования, но зато много получил от личных занятий и чтения. За гимназические годы <...> перечитал и много передумал. Некоторые письма его из этой эпохи, относящиеся к журналу, издававшемуся в гимназии, поражают и вдумчивостью, и глубиной мысли, странными в совсем молодом человеке, почти мальчике.

В конце гимназических годов оба брата пережили короткий, но тяжелый религиозный кризис, период религиозного сомнения и отрицания (бюхнеровщины, как впоследствии отзывался об этом периоде Евгений Николаевич). Мать их, при своей религиозности, была болезненно потрясена этим переломом дорогого ей мирозерцания в страстно любимых сыновьях.

Для характеристики Евгения Николаевича в этот период интересен один из ее разговоров с их дядей Петром Федоровичем Самариним, которому она с глубокой скорбью жаловалась на неверие сыновей. Тот посоветовал ей оставить детей в покое и не оказывать на них никакого давления. Он был уверен, что при усиленных занятиях философией обоих братьев они сами переработают в себе этот кризис и выйдут из него не менее искренними и с более глубоким религиозным миропониманием. Предсказание оправдалось: взамен наивной веры у братьев Трубецких выработалось то вдумчивое религиозное чувство, с которым они всю жизнь работали над выработкой своей, оригинальной, философии. А работали они над философскими вопросами в этот период последних классов гимназии много. В оригинале были прочитаны и продуманы многие классики философии: и Кант, и Фихте, и Шопенгауэр, и т.д. На эти темы велись разговоры между братьями и сообща передумывали они свои мысли, строя свое молодое мирозерцание.

В 1881 г. оба брата окончили гимназию и поступили в Московский университет на юридический факультет, причем Сергей Николаевич вскоре перешел на филологический факультет, а Евгений Николаевич остался юристом.

В университете Евгений Николаевич довольно мало посещал лекции, ограничиваясь подготовкой и сдачей экзаменов, но зато усиленно продолжал заниматься философией. В университете он познакомился и подружился с Л.М.Лопатиным, сблизившись с ним и дружески, и на почве общего философского миропонимания. Окончив университет в 1884 г. и отбыв воинскую повинность, он в 1886 г. защитил в Ярославле диссертацию *pro venia legendi* «Рабство в древней Греции» [*Pro venia legendi* – на право чтения лекций и профессорское звание. – прим. ред.]. Он поступил в Ярославский демидовский лицей приват-доцентом истории философии права и энциклопедии права. Пробыл он в Ярославле до 1893 г.

И в студенческие годы в Москве, и в Ярославле, и во время довольно частых приездов в Москву Евгений Николаевич вел, по внешности, довольно светский образ жизни и часто появлялся в обществе. В действительности, как видно из его писем к близким, он нередко тяготился обществом, а главное, расхождением того, что занимало и волновало его душу, с интересами окружающих. В обществе он чувствовал себя одиноким, само общество со своими обыденными интересами казалось ему чуждым. В последней написанной им книге «о смысле жизни» есть горькие и глубоко трагичные страницы о «жизненной бессмыслице», преисполненной «суеты», с которой не может примириться мыслящий и чувствующий человек и которую совершенно необходимо преодолеть – найти «смысл жизни», чтобы была возможность жить. От этой «суеты» Евгений Николаевич не ушел в пессимизм, не отчаялся в силе разума и религиозного чувства [неразборчиво].

У него рано началась самостоятельная работа философской мысли, гораздо раньше того времени, когда он решился выступить со своими первыми чисто философскими статьями. В этом отношении весьма интересна его переписка со своим братом, с которым он привык с детства делиться и мыслями, и чувствами. Например, в одном из таких писем он подробно разбирает вопрос о

происхождении зла, о добре, о значении человека в выявлении злого начала.

Большим событием в жизни Евгения Николаевича, наложившим отпечаток на все его мировоззрение целого ряда последующих годов, было знакомство с В.С.Соловьевым, происшедшее в 1886 г., то есть в год его переселения в Ярославль. Впечатление, которое произвел на него Соловьев при личном знакомстве (по сочинениям Евгений Николаевич знал и ценил Соловьева и раньше), необыкновенно ярко обрисовано в письме к брату, в котором он [Е.Н.Трубецкой] подробно рассказывает свой первый разговор с Соловьевым, собственно горячий спор об отношении церквей, восточной и западной. Для личности Евгения Николаевича, на которого Соловьев, несомненно, имел большое влияние, весьма характерно это первое знакомство. Совсем молодой Трубецкой (ему было тогда 23 года) глубоко уважал и ценил Соловьева, и, соглашаясь во многом, он не принимает его мнение на веру, как ученик; стойко отстаивает свои сложившиеся на основании собственных мыслей и чувств и взгляды. И замечательно, как В.Соловьев считается с этими взглядами: очевидно, на него духовный облик Евгения Николаевича произвел сильное впечатление.

Весьма характерна и внешняя обстановка жизни Евгения Николаевича в этот период.

Родители в это время, при большой семье, были весьма стеснены в средствах, и ему хотелось как можно меньше доставлять им затруднений в материальном отношении. При переселении в Ярославль он взял от них около 500 рублей и с некоторой гордостью житейски непрактичного человека пишет матери, как экономно и умело распорядился он этими деньгами, на которые он завел себе шубу-пальто «на вате», сапоги от Шумахера, две пары ботинок, из которых одна оказалась гнилой, суконную пару, «вполне приличную», стенные часы за 6 рублей, кухонную посуду и т.д. Отмечает теперь, что «при жаловании в 88 р. 60 к.), которого ему вполне хватало на прожиток, ему удалось сколотить денег на книжный шкаф (прежде книги помещались вместе с кухонной посудой в одном шкапу). Он с полным удовлетворением отмечает, что теперь стал обедать дома и питается весьма хорошо и вполне доволен. На завтрак два крутых яйца и биток, а на обед каша и чашка кофе вместо пирожного. Поездка на несколько дней в Москву (туда и обратно в третьем классе) и посещение оперы стоило 25 р., но обошлась так дорого благодаря кутежу с Соловьевым в большом московском трактире. Очевидно, кутеж был самый скромный и центр тяжести его заключался в <...>.

При чтении этих писем чувствуется весь облик Евгения Николаевича, чувствуется, как мало для него значили житейские удобства и роскошь и как весь центр тяжести жизни для него заключался в духовной области: аскетом в смысле принципиального отказа от жизненных удобств он не был и пользовался ими, когда они были, без лишних разговоров, кумира из обстановки жизни он себе не делал. Эта обстановка была для него частью нелюбимой им суеты жизни, которой он занимался только по необходимости. Сам про себя он говорил, что практичность ему органически чужда.

В 1889 г. Евгений Николаевич женился на В.А.Щербатовой и в значительной степени ушел в семейную жизнь. На этой стороне его жизни я останавливаться не буду и скажу только, что редко я получал такое высокое представление о счастливой семейной жизни, как наблюдая семью Трубецких.

В Ярославле Евгений Николаевич стал обдумывать тему своей магистерской диссертации, то есть первой большой самостоятельной работы. Он перебрал несколько тем: об ясенистах, о Port-Royal и, наконец, остановился на Блаженном Августине как на одном из самых ярких выразителей религиозно-общественного идеала на западе. («Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Часть I. Миросозерцание Блаженного Августина»). Мы знаем, что у Евгения Николаевича <...> лежал в философии, и в частности в религиозной философии, и может возникнуть вопрос, почему он для своей первой работы, которой он сам впоследствии придавал большое значение, взял вопрос исторический. О том, что он к самому исследованию подошел как историк, свидетельствуют его собственные слова, весьма характерные для его методики. «В задачу предпринятого мной исследования, – говорит он, – не входит ни избличение, ни защита теократического миросозерцания латинского Запада. Латинская идея в христианстве с самого начала не была для меня ни абсолютной ложью, ни абсолютной истиной. Я не исходил из какого-нибудь заранее и раз навсегда определенного к ней отношения, так как заранее установленной оценкой устранялась бы надобность в каком бы то ни было исследовании. Цель беспристрастного исторического исследования, которое именно в этом и заключается, чтобы вникнуть в сущность каждого частного явления, понять его по отношению к всемирно историческому целому, <...> дать

ему ту или другую историческую оценку; последняя является, таким образом, концом и результатом, а отнюдь не предположением и исходной точкой исторического изучения». Здесь автор отказывается и от «апологетической», и от «полемической» точки зрения на свой предмет и подходит к нему как объективный и беспристрастный историк. Но сознательно выделяя эту чисто историческую <...>, он не отказывается и отнюдь не хочет отказываться и от своей философской точки зрения, то есть от того, в чем лежит его главный и наиболее жизненный интерес. Историк должен стремиться к тому, чтобы в каждом данном историческом явлении распознать, выделить универсальное вечное его содержание в отличие от особенностей местных и временных, от элемента случайного и меняющегося». В последних словах сказывается уже философ.

Для нас совершенно ясно, что для Евгения Николаевича эти исторические исследования о Блаженном Августине, точно так же как и последующие исследования о Григории Седьмом, служили материалом для дальнейших уже и чисто религиозно-философских обобщений. Характерным для него, как нам думается, является самый способ, которым он идет к этим обобщениям. Он в основу кладет не методологические исследования по теории познания (важность которой он вполне оценивал, так как впоследствии посвятил им большую работу), не изучение истории философии, то есть развития идей какого-либо из классиков философского мышления (путь, которым идут многие начинающие философы), но ряд самостоятельных исторических исследований, связанных с интересующими его общими религиозно-философскими проблемами. В этом способе подхода к философской проблеме сказывается особая, может быть, весьма характерная для него черта – стремление придать жизненность своим построениям, чувство основной связи между правдой философа и правдой ученого, идущего путем индуктивного исследования.

Для того чтобы написать эти исторические исследования, была прочитана и продумана громадная научная литература, проштудирован целый ряд источников. Евгений Николаевич специально съездил в Италию, где работал, между прочим, в ватиканской библиотеке. В Риме он познакомился с наиболее видными представителями католической церкви, со знаменитым кардиналом Рамполла, чтобы в продолжительных беседах с ним уловить то, что трудно получить из книг и источников, самый дух католичества, то, чем живет католическая церковь. Я не компетентен, чтобы судить об этих исследованиях по существу, но для характеристики того, как работал Евгений Николаевич, с какой добросовестностью и осторожностью он относился ко всему, что он высказывал, расскажу следующее. Для одной из своих последних чисто философских работ он обратился ко мне с просьбой указать ему какие-либо статьи о новейших космогонических теориях естествознания. Я ему дал специальные немецкие статьи по этим вопросам. Ознакомившись с ними, Евгений Николаевич попросил других, чтобы дополнить полученные сведения. Вся эта трудная для неспециалиста работа была проделана, для того чтобы уяснить себе вопросы, о которых он только совершенно мимоходом упоминает в своем труде. Эта крайняя добросовестность, обширная эрудиция, глубокое стремление проникнуть в предмет, возможно, глубоко характеризует Трубецкого как крупного научного исследователя, для которого научная правда стояла выше всего.

В течение киевского периода жизни, то есть с 1893 по 1906 гг. Евгений Николаевич написал целый ряд статей, отчасти по вопросам философским, частью по вопросам юридическим. Много времени у него отнимала профессорская и общественная деятельность. Среди студенчества он пользовался не только большой популярностью как хороший лектор, но и значительным влиянием, которое сказывалось особенно в трудные минуты университетской жизни, в период студенческих забастовок и волнений. Он никогда не поддельвался к молодежи, не стеснялся ей говорить правду в глаза, как бы эта правда ни была непопулярна в данную минуту и при данном настроении.

Молодежь это знала и ценила. Знала она и то, что в трудные минуты, когда студентам приходилось плохо, он всегда являлся стойким их защитником. Немало людей, будущность которых была спасена Евгением Николаевичем. Он был хорошим лектором, хотя таланта профессионального оратора в нем не было. Своеобразная, но несколько однообразная жестикуляция и сама манера говорить без пафоса, без ораторских приемов были чужды ораторскому искусству. Но слушая его, чувствовалось нечто большее, слышалось большое внутреннее чувство, даже талант. Чувствовалось, что в том, что говорит, он ищет только правды, и эту дорогую ему истину стремится выразить наиболее понятно, чтобы <...> ее как можно лучше поняли, и как можно образнее и яснее для слушателей, чтобы они ее как можно лучше восприняли.

Мне много приходилось видеть Евгения Николаевича как университетского деятеля, в деле, которому он отдал много своих сил. В университетской среде он пользовался большим влиянием, его чтили и часто слушали. Но влияние его было совсем особое. Он был менее всего человеком партии, признавая вполне в теории партийную дисциплину как средство успеха. Он никогда не мог подчинить свою <...>, то что он считал правдой, требованиям этой дисциплины, как бы целесообразны они ни были в данный момент. Ко всякому вопросу он относился прежде всего не с точки зрения целесообразности, а с точки зрения правды, справедливости, и если данная мера не удовлетворяла требованиям его совести, то он по этому пути не шел. Поэтому его влияние в университетской среде, думаю и вообще в общественной деятельности, зависело прежде всего от его личности, личности человека, для которого нравственная правда определяет все его поведение.

В 1906 г. Евгений Николаевич перешел в Московский университет. В эту эпоху его постигло большое несчастье, набросившее мрачную тень на всю его последующую жизнь. Умер его любимый брат Сергей Николаевич Трубецкой. Зимой 1910–1911 гг. Евгений Николаевич проводил за границей. В этот период целый ряд профессоров, его единомышленников, были изгнаны министром Кассо из Московского университета, вместе с ними ушел и Евгений Николаевич. Вернулся он в Московский университет только после Февральской революции. Последний период пребывания в Киевском университете и Московский период имеют большое значение в собственно философском творчестве Евгения Николаевича. И можно только удивляться, как много он сделал в этой области, несмотря на все, что его отвлекало от спокойной, необходимой для философа работы мысли. А отвлекала его горячая любовь к исследованию «Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства». Как видно из самого заглавия, цель этой работы не полемическая, а положительная, и она должна служить для обоснования собственных воззрений автора, <...> хочет взять у кантианства ту часть истины, которой оно живет, и отбросить то обманчивое подобие истины, которое принимается за самую истину.

После этих двух больших подготовительных работ, в которых Евгений Николаевич определил свое отношение к наиболее важным направлениям философской мысли и в которых попутно им выказаны многие черты собственного мирозерцания, он приступил к систематическому изложению своих религиозно-философских взглядов, которые, по его замыслу, должны были составить ряд внутренне связанных единством идеи работ по религиозной философии и этике. Из них он написал только первую книгу «Смысл жизни». Написана она в тяжелое и грозное время, и заканчивалась под «гром пушек» междуусобной войны [Книга закончена летом 1918. – прим. ред.]. Содержание этой книги вы еще услышите сегодня, а мне позвольте дать вам совет. Если у вас есть хоть какой-либо интерес к русской религиозной философии, то прочтите ее. Помимо тех качеств, которыми вообще отличаются сочинения Е.Н.Трубецкого, вы в ней найдете две особенности, которые оставят на вас глубокое впечатление, а именно великий духовный подъем и глубокую поэзию, ту духовную гармонию, которая когда-то заставила Е.Н. сказать, что «философия – дочь музыки». В предисловии к этой книге Е.Н. говорит о задуманных им дальнейших трудах, но говорит с тревожной оговоркой: «если Бог даст мне дожить до их осуществления». Предчувствия не обманули его. Книга о смысле жизни была издана в 1918 г., а 23 января 1920 г. по ст. ст. его не стало. Он скончался от болезни сердца после сыпного тифа в Новороссийске.

Когда я готовился к своей сегодняшней речи и сосредоточил свое внимание на личности Евгения Николаевича, то мне было горько и вместе с тем радостно. Вспомнился, как живой, весь его дорогой для меня облик. Я вижу перед собой крупную фигуру с красивым значительным лицом, с окладистой бородой, с добрыми глазами под нахмуренными бровями. Мне вспоминается, как, бывало, войдешь к нему в кабинет и застанешь его за работой за письменным столом, он отрывается от писания и взглядывает на вошедшего поверх очков (он был дальнорезок) совершенно отсутствующим взглядом, потом узнает, взгляд делается ласковым, и он говорит: «Вы садитесь, я сейчас допишу фразу» и немедленно забывает про вас, пока вы снова не напомните ему о себе.

Особенно привлекателен он был для меня в семейной обстановке, когда он возился с детьми, рассказывал рассказы и собственного изобретения, и сказки брата, как добродушно хохотал он, передавая про приключения принца Шармана (который ковырял в носу и у которого в наказание на месте носа выросла резиновая калоша с клеймом Российско-Американской резиновой мануфактуры). Как он бывал интересен, когда иногда в тесном кругу развивал свои философские взгляды и читал свои ненапечатанные работы. Таким он мне представляется в обыденной жизни.

Когда читаешь сочинения, то чувствуешь, что написаны они мастером философского стиля, просто, ясно, что самые трудные для понимания вопросы вам понятны без напряжения, он умеет сделать их доступными, не прибегая к упрощению и вульгаризации, просто потому, что они ему самому вполне ясны. А местами вы в его книгах чувствуете настоящую поэзию, строгую и высокую. Здесь отражаются художественные стороны его натуры, та гармония, которую он так чувствовал и так любил с детства. Благодаря этим чертам его стиля не сразу бросается в глаза его особенность как ученого и мыслителя, та громадная умственная работа, которая скрывается за этим ясным и доступным слогом...

Меня в нем всегда удивляла глубина и логичность мысли. Если он брался за какой-либо вопрос, то он продумывал его до конца. Бывает, что блестящий писатель, философ при развитии своей мысли заменяет логическую дедукцию красивой риторикой в тех местах, где в логическом доказательстве не хватает связующего звена. Такой прием встречается у очень крупных мыслителей, например у Бергсона. У Евгения Николаевича я его не встречал, а при его слоге, очень образном и ярком, он мог к нему прибегнуть легко, мешала ему в этом случае его утонченная добросовестность и строгость к себе...

...Но признавая в Трубецком крупного ученого и выдающегося мыслителя, мы ни на минуту не должны забывать, что основной тон всему духовному облику давали его нравственные свойства. Недостаточно сказать, что он был глубоко сердечный и добрый человек, что он не останавливался ни перед чем, ни перед трудностями, ни перед хлопотами и издержками, чтобы помочь человеку в трудную для него минуту, и что он умел это сделать необыкновенно чудно и деликатно, не задевая ни в чем болезненного самолюбия страдающего человека. Но мы знаем, что в нем была больше чем доброта. Он для осуществления своего идеала умел жертвовать многим, что было для него необыкновенно ценно и дорого, несмотря на то что жертва эта была для него и тяжела, и мучительна. На это страдание он шел, раз этого требовала его совесть. Его любовь к людям была живой и активной любовью, в нем слово не расходилось с делом. Именно вследствие этой живой любви к людям он и не мог быть филантропом, человеколюбом-теоретиком. Этой живой любовью определялась и его общественная деятельность, и его горячая любовь к родной стране. Ему дорога была и вся русская земля, и ее прошлое, и особенно нравственная ее вера, которая совершенно осталась жива в нем и после долгой философской работы мысли.

Он был христианином в лучшем, наиболее благородном смысле этого слова. У нас в последнее время замечается религиозный подъем. Многие обратились к вере, серьезно думают о ней и искренне верят и говорят о своей вере, но когда приглядываешься к ним, видишь, что у них вера сама по себе, а жизнь, идеалы сами по себе. У Евгения Николаевича вера и жизнь были неразделимы. Вся его жизнь определялась его христианским мирозерцанием и его религиозной совестью, а совесть у него была большая и чуткая.

Теперь этот человек большой мысли и большого религиозно-нравственного чувства ушел от нас. Ушел в тяжелое время царства смуты, которую он так не любил и которая для него была так мучительно тяжела, в ту страну <...> по его глубокому верованию «смысл жизни» бесповоротно победил бессмыслие и суету, в страну абсолютного света и любви.

Евгений Николаевич знал Запад и западноевропейскую культуру лучше многих других, ценил их высоко и между тем все свои лучшие силы, всю энергию своей большой мысли, всю мощь своего религиозного чувства он отдал своей родной русской земле. Ради нее он выработывал и передумывал свое религиозно-философское мирозерцание, ради нее тратил свои силы на тяжелую для него общественную деятельность.

И верится, что эта благородная жизнь прошла не даром, что найдутся продолжатели его идеала и что свет «смысла жизни», в который он так горячо верил, озарит, наконец, своими яркими лучами истрадавшую русскую землю.

Москва, 1920 г.

Предположительно сообщение было сделано в стенах Московского университета

[1] Текст для публикации представлен О.А. Северцовой.

[2] Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920) – русский религиозный философ, правовед, общественный деятель.

Поступила в редакцию 30 января 2009 г. Дата публикации: 22 июня 2009 г.

[Сведения об авторе](#)

Северцов Алексей Николаевич (1862–1936) – сын известного зоогеографа, исследователя Средней Азии Николая Алексеевича Северцова. Он внес в науку бесценный вклад, разрабатывая идеи дарвинизма и создав новое направление в биологии – эволюционную морфологию (Институт проблем экологии и эволюции в Москве носит имя А.Н.Северцова). Его идеи не устарели и в наше время, оставаясь актуальными в современной генетике.

[Ссылка для цитирования](#)

Северцов А.Н. Евгений Николаевич Трубецкой как человек и мыслитель [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 3(5). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[К началу страницы >>](#)